

Гехт Антон Борисович**Gekht Anton Borisovich**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

PhD in History, Associate Professor, Department of History and Regional Studies, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1938–1943)

SWEDEN'S POLICY TOWARDS JEWISH REFUGEES BEFORE AND DURING THE SECOND WORLD WAR (1938–1943)

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению основных вопросов, связанных с политикой Швеции в отношении беженцев-евреев накануне и в период Второй мировой войны. Изначально, опасаясь негативной реакции со стороны Германии, шведские власти стремились ограничить число евреев, въезжающих в страну. В условиях кризиса международных отношений конца 1930-х гг. вопрос о статусе немецких и других беженцев в Швеции был передан на рассмотрение в особую правительственную комиссию, по итогам работы которой был принят Закон о беженцах. Отношение шведских властей к проблеме преследования европейских евреев окончательно изменилось в 1942 г. В этом году произошел поворотный момент в войне, и шведское правительство осознало, что государству необходимо планировать свою послевоенную стратегию. Стремление Швеции принять деятельное участие в спасении скандинавских евреев привело к тому, что почти всем евреям Дании и Норвегии удалось получить убежище в соседней стране. Так у шведского политического руководства появилась уверенность в том, что спасательные операции в Европе могут способствовать восстановлению международного авторитета государства. В значительной мере еврейский вопрос позволил продемонстрировать всему миру гуманитарный характер внешней политики Швеции, символом чего стала знаменитая деятельность шведской миссии в Будапеште во главе с Р. Валленбергом.

Ключевые слова:

Швеция, еврейские беженцы, Закон о беженцах, Вторая мировая война, холокост, Рауль Валленберг.

Summary:

The study discussed the main issues of Sweden's policy towards Jewish refugees on the eve of and during the Second World War. Initially, fearing a negative reaction from Germany, Sweden's authorities sought to limit the number of Jews entering the country. In the midst of the crisis of international relations in the late 1930s, the dispute related to the status of German and other refugees was referred to a special government commission which had adopted the Refugee Law. The attitude of the Swedish authorities to the problem of persecution of European Jews finally changed in 1942. This year marked a turning point in the war, and Sweden's government realized that the state needed to plan its post-war strategy. The desire of Sweden to take an active part in the rescue of Scandinavian Jews led to the fact that almost all Jews in Denmark and Norway had sought asylum in a neighboring country. Thus, Swedish political leaders had confidence that rescue operations in Europe helped restore Sweden's international authority. To a large extent, the Jewish question made it possible to demonstrate the humanitarian nature of Sweden's foreign policy symbolized by the famous Swedish mission in Budapest led by R. Wallenberg.

Keywords:

Sweden, Jewish refugees, Refugee Law, Second World War, Holocaust, Raoul Wallenberg.

В результате преследований и массового уничтожения евреев, живших на территории Германии, ее союзников и оккупированных ею землях, были унесены жизни трети еврейского народа. Несмотря на обширное освещение вопросов, связанных с холокостом, за минувшие десятилетия не раз предпринимались попытки переписать и исказить события тех лет, возникали точки зрения, отрицающие сам исторический факт холокоста и антисемитской политики Третьего рейха. С целью защиты исторической памяти во многих государствах мира были созданы специальные законы, прямо запрещающие отрицание, преуменьшение или оправдание преступлений, совершенных нацистами.

Но если проблема преследования евреев в Германии и на оккупированных ею территориях исследована весьма глубоко, то достаточно малоизученными страницами истории Второй мировой войны остаются положение евреев в Швеции и политика, которую проводила эта страна в отношении многочисленных беженцев еврейского происхождения, стремившихся укрыться в ней. Рассмотрению этого вопроса и посвящена настоящая статья, призванная в числе прочего заполнить лауну в отечественной историографии.

В первой половине XX в. антисемитизм не был феноменом, присущим исключительно Германии: враждебность по отношению к евреям встречалась и в других западных странах,

в том числе и в Швеции. Во многих литературных произведениях конца XIX – начала XX в. еврейские персонажи описываются в традиционной антиеврейской манере – как зажиточные и жадные ростовщики, капиталисты и т. п. [1, р. 46]. Популярность широко распространенных на рубеже XIX–XX вв. расовых теорий усиливали представления о том, что евреи действительно заметно отличались от основного европейского населения. Неудивительно, что наиболее радикальные проявления антисемитизма выразились в пропаганде шведской Национал-социалистической рабочей партии, созданной в подражание немецкой НСДАП.

Шведские нацисты никогда не были важным элементом в шведской политической жизни и в условиях преобладания в стране социал-демократических взглядов оставались политическими маргиналами. Они утверждали, что евреи поставили под угрозу существование шведского государства, взяв под контроль банки, промышленность и средства массовой информации [2]. Такие заявления резко выделяли это движение на фоне других политических партий конца 1930-х гг., порождая разногласия по вопросам и экономического развития королевства, и его отношений с Германией, и тем самым актуализировали еврейский вопрос в стране. Швеция, являясь важным экономическим партнером Германии и в то же время нейтральной страной, оказалась вовлечена в проблематику еврейского вопроса накануне и во время Второй мировой войны.

Рассуждая о еврейской общине Швеции, следует отметить, что вплоть до начала войны она не была однородной. К рассматриваемому периоду еврейское население Швеции составляло лишь около 6 500 человек [3]. В стране существовали три главные еврейские конгрегации: в Стокгольме, Гетеборге и Мальме [4, s. 19]. Стокгольмская конгрегация была наиболее крупной и влиятельной. В ней преобладали евреи, хорошо интегрированные в шведское общество. Каждый раз, когда шведскому правительству необходимо было узнать мнение по вопросам, касающимся еврейской общины, оно обращалось к руководителям стокгольмской конгрегации. Их позиция рассматривалась как «официальное еврейское мнение». В действительности же взгляды представителей еврейской конгрегации Стокгольма значительно расходились практически по каждому вопросу [5, р. 48]. Естественно, они не могли полноценно отражать позиции и интересы других еврейских конгрегаций Швеции.

После начала открытого преследования немецких евреев нацистами в Швеции была создана общественная организация, имевшая своей целью помощь еврейским беженцам, – Еврейский комитет. Его главой стал владелец одного из лучших книжных магазинов Стокгольма, шведский еврей Гуннар Йосефсон [6, s. 161]. Г. Йосефсон был женат на сестре Эрика Бухемана, государственного секретаря Министерства иностранных дел Швеции, во многом ответственного за определение и формирование внешнеполитического курса королевства. Таким образом, Г. Йосефсон мог в некоторой степени оказывать влияние на деятельность шведского правительства по вопросам, касающимся евреев.

Г. Йосефсон, как и многие другие евреи, был обеспокоен ростом проявлений антисемитизма в Швеции. Одной из причин тому было увеличение числа еврейских беженцев из Германии и оккупированных ею территорий, что воспринималось как возможная угроза безопасности страны в условиях агрессии Германии в Европе. Тем не менее комитету Г. Йосефсона было разрешено участвовать в рассмотрении заявлений еврейских беженцев на получение вида на жительство в Швеции. Чаще всего выбор делался в пользу образованных и хорошо интегрированных в европейское общество евреев. Комитет также брал на себя финансовые расходы, связанные с принятием этих новых мигрантов [7, s. 161–162].

Сам Г. Йосефсон достаточно скептически относился к способности Швеции стать лидером среди стран Европы по принятию еврейских беженцев, поэтому и не стремился как-либо заметно повлиять на политику правительства [8, р. 48]. За пределами Швеции такая позиция подвергалась резкой критике. Например, представитель Еврейского агентства Соломон Адлер-Радел и представитель американского Управления по делам военных беженцев в Швеции Айвер С. Олсен отмечали неспособность Еврейского комитета оказать помощь еврейским беженцам накануне и в первые годы Второй мировой войны, когда у евреев еще была возможность покинуть Германию [9]. Такая критика деятельности комитета привела к образованию новых общественных организаций, нацеленных на помощь евреям.

В условиях кризиса международных отношений конца 1930-х гг. вопрос о статусе немецких и других беженцев в Швеции был передан на рассмотрение в особую правительственную комиссию, по итогам работы которой был принят Закон о беженцах. Именно этот закон и стал основой шведской миграционной политики в первые годы войны. Изучив официальные государственные отчеты шведского правительства (*Statens offentliga utredningar*), содержащие информацию по миграционной политике Швеции в исследуемые годы, можно заметить, что к категории беженцев из Германии, которые могли получить защиту в соответствии с новым Законом о беженцах, относились

лица, покинувшие страну по идеологическим или политическим причинам. Евреи же в качестве политических беженцев шведскими властями не рассматривались [10].

Более того, еще до начала войны заграничные паспорта евреев были объявлены недействительными. В дальнейшем при выдаче им паспортов в них проставлялся специальный знак в виде буквы J (по-немецки Jude – ‘еврей’) [11, s. 168]. Однако важно подчеркнуть, что нацисты в то время стремились скорее побудить евреев уехать из Германии. Таким образом, этот немецкий закон не ставил формальных препятствий для евреев, желавших покинуть страну: только в октябре 1941 г. в Германии были приняты законы, запрещающие им это делать [12, s. 45]. До этого времени проблема жертв преследований заключалась не в том, чтобы покинуть нацистскую Германию, а в том, как попасть в другую страну.

Однако, несмотря на ухудшавшееся положение европейских евреев, Швеция не была намерена принимать беженцев с такими паспортами. Таким образом, не может быть никаких сомнений в намерении шведского правительства с помощью этого средства предотвратить переселение еврейских беженцев в Швецию. Еще одной мерой, используемой шведскими властями для различения евреев и других беженцев, была регистрация вероисповедания и расы [13, p. 56]. При этом шведские власти поясняли, что эта информация необходима исключительно для сбора статистических данных [14].

Другим подтверждением того, что шведское политическое руководство продолжало ориентироваться на Германию, являлось составление списков еврейских беженцев шведской Службой государственной безопасности. С одной стороны, Швеция начала ограниченный прием еврейских беженцев, но с другой, она могла предъявить эти списки по требованию немецких властей.

Такие моменты негативно отражались на репутации Швеции в первые годы войны. Заметим, что под очевидным влиянием успехов СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции Швеция прекратила публикацию сведений о вероисповедании и расе беженцев только в августе 1943 г. [15, p. 49].

Говоря о миграционной политике Швеции в первые годы войны, необходимо рассмотреть деятельность шведской еврейской общины. Еврейской конгрегацией был создан специальный комитет в целях помощи еврейским беженцам, однако им не предпринималось никаких активных действий, которые могли повлиять на официальную позицию шведских властей в отношении еврейских беженцев. Ряд историков как раз в этом видят причину пассивности шведских властей в первые годы войны: вопреки действиям достаточно узкой группы активистов, в целом шведская еврейская община не была заинтересована в увеличении числа беженцев [16]. И основным мотивом был не страх роста антисемитизма, о котором заявлялось официально, но неготовность принимать малообразованных и небогатых беженцев из Восточной Европы, поскольку средства на содержание новых беженцев выделялись главным образом еврейскими конгрегациями Швеции. Поэтому, как уже упоминалось ранее, комитет делал выбор в основном в пользу материально обеспеченных евреев.

Однако отношение политического руководства Швеции к еврейским беженцам стало постепенно меняться после середины 1940 г. Это было вызвано оккупацией соседних Скандинавских стран, которая началась в апреле 1940 г., собственно сразу после чего шведское правительство было поставлено перед тяжелым выбором. С одной стороны, Швеция оказалась фактически полностью изолирована и столкнулась с перспективой быть оккупированной нацистами. Именно поэтому вся ее дальнейшая внешняя политика была направлена на то, чтобы всеми силами избежать конфликта с Германией [17, s. 87]. Но с другой стороны, проблема коснулась соседних, родственных Скандинавских стран, и Швеции необходимо было предпринять какие-то действия, не вызвав при этом недовольство немецких властей.

Вскоре были сделаны попытки предоставить больше возможностей именно для еврейских беженцев. В январе 1941 г. член норвежской дипломатической миссии в Стокгольме Йенс Булл в письме шведскому министру иностранных дел Кристиану Гюнтеру просил расширить шведское определение политического беженца до «любого, кто чувствует угрозу для своей жизни и свободы» [18, p. 186], независимо от того, совершил он политическое преступление или нет. Но на тот момент правительство Швеции еще не было готово к таким решительным шагам.

Последующие попытки изменения шведского законодательства в отношении еврейских беженцев были предприняты уже осенью 1941 г. [19]. К тому моменту резко возросло число заявлений евреев на получение разрешения на въезд в Швецию и шведского вида на жительство. Иногда Министерство иностранных дел Швеции получало от сорока до пятидесяти заявлений на получение визы в день, и по многим из них принималось положительное решение [20, s. 322]. Основанием этому послужило новое постановление шведского правительства, согласно которому еврейским беженцам, подвергшимся расовым преследованиям, может быть предоставлено разрешение на въезд, невзирая на более ранние положения, в которых важная роль отводилась политическим причинам [21].

Однако большинство разрешений на въезд, выданных евреям на территориях, контролируемых нацистами, использовать стало невозможно, поскольку, как уже упоминалось выше, с октября 1941 г. евреям было отказано в выдаче разрешений на выезд со стороны немецких властей. С этого момента проблема для евреев и других преследуемых лиц в странах, находившихся под контролем Германии, заключалась в том, чтобы покинуть свою страну. Таким образом, многие беженцы могли воспользоваться изменениями в политике Швеции.

Отношение шведских властей к проблеме преследования европейских евреев окончательно изменилось в 1942 г. Именно в этом году произошел поворотный момент в войне, и шведское правительство осознало, что государству необходимо планировать свою послевоенную стратегию. Одной из основных тем стала роль Швеции в послевоенной реконструкции Европы. Многие шведы опасались, что политика Швеции, которая проводилась в первые годы войны, будет иметь серьезные негативные последствия для страны в послевоенное время. Очевидно, шведскому правительству необходимо было провести радикальные изменения в шведско-германских отношениях и перейти к более тесному сотрудничеству с союзными силами.

Основные перемены коснулись политики Швеции в отношении еврейских беженцев. Это произошло осенью 1942 г. [22, s. 286]. Если раньше Швеция придерживалась ограничительной политики, то в конце 1942 г. она перешла к крупномасштабному приему беженцев. Исследователи видят разные причины такого изменения. К примеру, шведский историк Поль Левин утверждает, что поводом могло послужить то, что «окончательное решение еврейского вопроса» коснулось соседней Норвегии: осенью 1942 г. начались депортации норвежских евреев в концентрационные лагеря [23, p. 154]. Другой шведский историк, Микаэль Бистрём, преобразовал это объяснение и показал, что такой поворот в политике можно объяснить при помощи идеи скандинавизма: он настаивает, что такая реакция была вызвана в первую очередь тем, что вопрос депортации касался не только евреев, но также и «этнических» скандинавов [24, s. 78]. Можно заключить, что обе упомянутые причины в конечном итоге побудили правительство Швеции прийти на помощь своим соседям и принять более решительные меры.

Новости о начале депортаций норвежских евреев в концентрационные лагеря в Норвегии быстро распространились в шведских средствах массовой информации и вызвали волну протестов в обществе, особенно в церковных кругах. Многие пасторы читали проповеди, осуждающие политику Германии в отношении евреев, а епископы Швеции выпустили совместную декларацию, в которой выражался протест расовым законам Германии [25, p. 60].

Давление со стороны частных лиц и организаций, особенно со стороны Шведской церкви, побудило правительство принять меры по спасению евреев. Министр иностранных дел К. Гюнтер использовал несколько методов. Он обратился к Арвиду Рикерту, шведскому послу в Берлине, с тем чтобы тот попросил разрешения у Министерства иностранных дел Германии наделить Швецию правом принять оставшихся норвежских евреев и предоставить им убежище в Швеции. В то же время правительство обратилось к принцу Карлу, главе Шведского отделения Красного Креста, чтобы тот попросил своего коллегу в Норвегии помочь переправить норвежских евреев в Швецию. Однако оба запроса получили отрицательные ответы [26, p. 67].

Несмотря на это, Швеция все равно была готова предоставить убежище всем норвежским евреям, которые пересекли шведскую границу. Норвежский историк Матс Тангестуэн в своих исследованиях отмечает, что во время оккупации Норвегии нацистами в апреле 1940 г. на ее территории проживало около 2 100 евреев, большинство из них были норвежскими гражданами, 290 – лицами без гражданства и 530 – евреями с другим гражданством [27, s. 41–42]. После этого часть евреев бежала в Швецию, однако основной поток еврейских беженцев из Норвегии в Швецию пришелся на период с октября 1942-го по январь 1943 г. [28, p. 139–140]. Это обусловлено тем, что с этого времени шведские власти не делали никакой разницы между «евреями, имеющими связи со Швецией, являющимися норвежскими гражданами или вообще не имеющими гражданства» [29, p. 140].

Таким образом, все евреи, подвергшиеся преследованиям в оккупированной Норвегии, могли получить убежище в соседней нейтральной Швеции. Однако тот факт, что Министерство иностранных дел Швеции работало над оказанием помощи норвежским евреям, в средствах массовой информации не обнародовался. Уместно предположить, что шведское правительство пыталось не провоцировать германские власти на принятие мер в отношении Швеции.

Вопрос о массовом принятии еврейских беженцев снова актуализировался в Швеции в августе 1943 г., когда в соседней Дании немецкими властями было объявлено военное положение, упразднившее прежнее коллаборационистское правительство. Стало ясно, что исполнение «окончательного решения еврейского вопроса» в Дании было лишь вопросом времени. В таких условиях Швеция была готова принять датских евреев и официально объявила об этом 3 октября 1943 г. Около 7 500 из 8 000 датских евреев удалось бежать в Швецию. Таким образом, в ходе операции были спасены

почти все евреи Дании. Шведское правительство, частные лица и организации обеспечивали беженцев продовольствием и жильем, помогали с трудоустройством [30, p. 65].

Таким образом, шведская сторона действительно сыграла важную роль в деле спасения небольшого числа человеческих жизней, приняв на своей территории многочисленных беженцев из соседних стран. Более того, шведское правительство пришло к выводу, что действия, направленные на спасение европейских евреев, могут существенно поднять авторитет королевства в глазах международного сообщества, не раз сталкивавшегося с противоречивыми действиями шведской стороны по отношению к Германии. Именно в этом контексте представляется верным рассматривать некоторые мотивы знаменитой миссии по спасению венгерских евреев в Будапеште, связанной с именем Рауля Валленберга (ее подробное изучение выходит за рамки настоящей работы).

Подводя итоги исследования, сформулируем следующие выводы.

Накануне и в первые годы Второй мировой войны Швеция шла на большие уступки Германии (поставляла железную руду, сталь, предоставляла свою территорию для транзита германских войск, избегала появления в СМИ критики действий нацистов), стремясь сохранить свой нейтралитет. Шведские власти называли все эти меры вынужденными, направленными на сохранение нейтралитета страны, и в связи с этим стремились максимально сократить количество евреев, въезжавших в королевство.

В то же время в стране действовали общественные еврейские организации, которые разрабатывали методы помощи преследуемым евреям Европы, пытались повлиять на шведское правительство и призвать его к более активным действиям. В 1940 г., в связи с оккупацией нацистами соседних Скандинавских стран, шведскими властями действительно были предприняты первые попытки изменения законодательства, которые помогли многим (преимущественно материально обеспеченным) евреям из соседних стран получить убежище в Швеции. Однако это были незначительные меры, учитывая ухудшающееся положение евреев на континенте. На тот момент шведское правительство еще не было готово к решительным действиям, опасаясь негативной реакции Германии.

Отношение шведских властей к еврейскому вопросу окончательно изменилось в 1942 г., после начала коренного перелома во Второй мировой войне. В условиях грядущего поражения Германии шведское правительство произвело радикальные изменения в своей политике и перешло к более тесному сотрудничеству с союзными силами. Если в первые годы войны Швеция делала все, чтобы не вызвать недовольство Германии, то в последние годы войны все усилия страны были направлены на восстановление своего международного авторитета.

Стремление Швеции принять деятельное участие в спасении скандинавских евреев привело к тому, что почти всем евреям Дании и Норвегии удалось получить убежище в соседней стране. Решительные действия шведского правительства были одобрены США, а международные еврейские организации выразили шведской стороне признательность и в дальнейшем обращались к ней за помощью. Так у шведского политического руководства появилась уверенность в том, что спасательные операции в Европе помогут восстановить международный авторитет страны. В значительной мере еврейский вопрос позволил продемонстрировать всему миру гуманитарный характер внешней политики государства, символом чего стала знаменитая деятельность шведской миссии в Будапеште во главе с Р. Валленбергом.

Ссылки:

1. Koblik S. *The Stones Cry Out: Sweden's Response to the Persecution of the Jews. 1933–1945*. N. Y., 1988. 305 p.
2. Lindholm S.O. *Svensk frihetskamp*. Göteborg, 1943. 135 s.
3. Second Conference Document No. 24 [Электронный ресурс] // The JDC Archives. URL: <https://archives.jdc.org/our-collections/finding-aids/new-york-office/1933-1944/subject-matter/#Refugees> (дата обращения: 06.03.2019).
4. Valentin H. *Judarna i Sverige*. Stockholm, 1964. 241 s.
5. Koblik S. *Op. cit.* P. 48.
6. Geverts K.K. *Ett främmande element i nationen. Svensk flyktingpolitik och de judiska flyktingarna 1938–1944*. Uppsala, 2008. 324 s.
7. *Ibid.* S. 161–162.
8. Koblik S. *Op. cit.* P. 48.
9. Raoul Wallenberg Material Copied from the Records of the War Refugee Board and the Morgenthau Diaries [Электронный ресурс] // Telegrams and Correspondence of the War Refugee Board (WRB) in Washington and Various US Embassies Regarding Matters Related to Sweden, 1944. URL: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/wrb/wrb1508.pdf (дата обращения: 02.03.2019).
10. Statens offentliga utredningar 1946:36 [Электронный ресурс] // Digitaliserade verk. URL: http://weburn.kb.se/metadata/445/SOU_8216445.htm (дата обращения: 21.02.2019).
11. Geverts K.K. *Op. cit.* S. 168.
12. Bruchfeld S., Levine P.A. ...Om detta må ni berätta... En bok om Förintelsen i Europa 1933–1945. Stockholm, 1997. 84 s.
13. Hedman R., Wibling J. *De s.k. arierbevisen: Löpande ärenden vid ett landsarkiv åren 1933–1944*. Lund, 1968.
14. *Sociala Meddelanden, 1938* [Электронный ресурс]. URL: http://www.scb.se/Grupp/Hitta_statistik/Historisk_statistik/_Dokument/BISOS/Sociala%20meddelanden%201938%207-12.pdf (дата обращения: 21.02.2019).
15. Koblik S. *Op. cit.* P. 49.

16. Ibid.
17. Svanberg I., Tydén M. Sverige och förintelsen: debatt och dokument om Europas judar 1933–1945. Stockholm, 2005. 451 s.
18. Geverts K.K. Op. cit. P. 186.
19. Statens offentliga utredningar 1946:36.
20. Lindberg H. Svensk flyktingpolitik under internationellt tryck 1936–1941. Stockholm, 1973. 349 s.
21. Ibid. S. 322.
22. Nybom T. Motstånd, anpassning, uppslutning: linjer i svensk debatt om utrikespolitik och internationell politik 1940–1943. Stockholm, 1978. 402 s.
23. Levine P.A. From Indifference to Activism. Swedish Diplomacy and the Holocaust, 1938–1944. Uppsala, 1996. 293 p.
24. Byström M. En broder, gäst och parasit. Uppfattningar och föreställningar om utlänningar, flyktingar och flyktingpolitik i svensk offentlig debatt 1942–1947. Stockholm, 2006. 286 s.
25. Koblik S. Op. cit. P. 60.
26. Ibid. P. 67.
27. Tangestuen M. Også jødene kom for øvrig over grensen høsten 1942: jødiske flyktninger fra Norge i Sverige 1940–1945. Bergen, 2004.
28. Levine P.A. Op. cit. P. 139–140.
29. Ibid. P. 140.
30. Koblik S. Op. cit. P. 65.

References:

- Bruchfeld, S & Levine, PA 1997, *...Om detta må ni berätta... En bok om Förintelsen i Europa 1933-1945*, Stockholm, 84 s.
- Byström, M 2006, *En broder, gäst och parasit. Uppfattningar och föreställningar om utlänningar, flyktingar och flyktingpolitik i svensk offentlig debatt 1942-1947*, Stockholm, 286 s.
- Geverts, KK 2008, *Ett främmande element i nationen. Svensk flyktingpolitik och de judiska flyktingarna 1938-1944*, Uppsala, 324 s.
- Hedman, R & Wibling, J 1968, *De s.k. arierbevisen: löpande ärenden vid ett landsarkiv åren 1933-1944*, Lund.
- Koblik, S 1988, *The Stones Cry Out: Sweden's Response to the Persecution of the Jews. 1933-1945*, New York, 305 p.
- Levine, PA 1996, *From Indifference to Activism. Swedish Diplomacy and the Holocaust, 1938-1944*, Uppsala, 293 p.
- Lindberg, H 1973, *Svensk flyktingpolitik under internationellt tryck 1936-1941*, Stockholm, 349 s.
- Lindholm, SO 1943, *Svensk frihetskamp*, Göteborg, 135 s.
- Nybom, T 1978, *Motstånd, anpassning, uppslutning: linjer i svensk debatt om utrikespolitik och internationell politik 1940-1943*, Stockholm, 402 s.
- 'Raoul Wallenberg Material Copied from the Records of the War Refugee Board and the Morgenthau Diaries' 1944, *Telegrams and Correspondence of the War Refugee Board (WRB) in Washington and Various US Embassies Regarding Matters Related to Sweden, 1944*, viewed 02 March 2019, <http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/wrb/wrb1508.pdf>.
- 'Second Conference Document No. 24' 2019, *The JDC Archives*, viewed 06 March 2019, <<https://archives.jdc.org/our-collections/finding-aids/new-york-office/1933-1944/subject-matter/#Refugees>>.
- 'Statens offentliga utredningar 1946:36' 1946, *Digitaliserade verk*, viewed 21 February 2019, <http://weburn.kb.se/metadata/445/SOU_8216445.htm>.
- Svanberg, I & Tydén, M 2005, *Sverige och förintelsen: debatt och dokument om Europas judar 1933-1945*, Stockholm, 451 s.
- Tangestuen, M 2004, *Også jødene kom for øvrig over grensen høsten 1942: jødiske flyktninger fra Norge i Sverige 1940-1945*, Bergen.
- Valentin H, 1964, *Judarna i Sverige*, Stockholm, 241 s.